

Р.С. Гринберг

Институт экономики, Москва

Осуществима ли российская модернизация?

Последние два десятилетия радикально-го реформирования ничего не дали для модернизации отечественной экономики. Образовалась зияющая пустота, обусловленная главным образом преданностью «правлящего дома» рыночной стихии и игнорированием конструктивной государственной деятельности.

Реформаторы, приступив к строительству новой России, «забыли» инновационный кадровый потенциал. Поэтому в ходе проведения реформ средний класс (он образовался в СССР в 1950–1980-е годы) получил глубокую экономическую и социальную травму. Подавляющая часть этого класса было выброшена на обочину социальной жизни, а наиболее энергичные его представители покинули страну. В итоге оказался полуразрушенным один из главных потенциальных рычагов менее болезненного перехода к социальному рыночному хозяйству и демократическому государству – творческий ресурс населения. Резкое ослабление научно-технического и человеческого потенциала – одна из тяжелейших для России потерь и с экономической, и с социальной точек зрения, за все годы реформ.

К отставанию советских времен мы своею волей, а точнее, безволием, добавили двадцать лет технологического простоя (некоторые авторы употребляют термин «застой»). Тупик? Очевидный! Но из каждого безвыходного положения имеется? как минимум, два выхода. Первый – оставить все как есть, но прибавить модернизационную риторику. Для многих это и удобно, и прибыльно, а вот для страны – гибельно. Второй выход – провести срочную инвентаризацию идей и ресурсов и вынести ее результаты *на широкое обсуждение*. Иными словами, – организовать очередную перестройку. Конечно, это банально, но, как сказал один известный немецкий философ, «дороже всего нам приходится платить за пренебрежение банальностями».

Главная потеря последних десятилетий – демодернизация российского экономического потенциала (производственного и инновационного), что привело к заметному росту сырьевой доли экономики и продолжению ее примитивизации.

Справедливости ради стоит отметить, что недостаток серийного производства готовых изделий, способных конкурировать с

импортными, всегда был ахиллесовой пятой России. В штучном производстве мы преуспели, а вот системы серийного производства и массовой реализации изделий – особенно потребительских товаров – в сопоставлении с западными аналогами выглядели, как правило, бледно.

Что же делать? К счастью, в правительстве среди лиц, отвечающих за экономический блок, уже перестала быть модной мысль, что модернизация российской экономики наступит сама по себе после активизации рыночных сил саморегулирования. Теперь предлагается новый девиз: «Нужны надежные институты!» А раз так, то правительство обещает сосредоточить внимание на завершении формирования законодательства под цивилизованную рыночную экономику и позаботиться о пресечении так называемых неформальных экономических отношений и создании условий для равного применения правовых норм ко всем физическим и юридическим лицам. В этой связи говорят о повышении эффективности антимонопольного регулирования, соблюдении прав собственности и контрактного права, об особом акценте на мероприятиях, направленных на снижение налогового бремени инвесторов, о борьбе с коррупцией, развитию инновационного малого и среднего бизнеса. Правда, все эти меры сочетаются с курсом на последовательную и тотальную коммерциализацию и приватизацию социальной сферы.

Такая политика (возможно, за некоторыми исключениями) никаких возражений не вызывает. Но теория и международная практика успешных модернизаций показывают, что если конкретная политика будет ограничиваться только такими задачами – а они разумны, за исключением антисоциальной направленности «социальной» политики, – радикально изменить социально-экономическую ситуацию в стране не удастся. Российская экономика и впредь будет структурироваться стихийно, в соответствии с интересами транснациональных корпораций, если сохранится беспрецедентно высокая степень открытости экономики.

Спонтанность формирования хозяйственной структуры в России в принципе не имеет ограничителей, так как в отличие от других постсоциалистических стран ей не грозит

принятие институциональных норм Европейского союза. А ведь именно эти нормы служат гарантией цивилизованного и рационального развития экономики. Но Россия, уж точно, не будет членом ЕС – даже в долгосрочной перспективе. Значит, ей придется выработать собственное видение будущего своей экономики, ее структуры, целей и средств экономической политики, – и все это – применительно к российским обстоятельствам. Иначе хозяйство нашей страны, как, впрочем, и экономика других государств постсоветского пространства, станет объектом других, более мощных экономических игроков, без каких-либо шансов на укоренение здесь институционально-правового каркаса ЕС. Утрата субъектности и следующая за ней примитивизация российского хозяйства при таких условиях окажется необратимой, независимо от того, удастся или не удастся добиться прорыва в соблюдении законов и стабилизации условий ведения бизнеса. Даже при сохранении положительной экономической динамики, решающий вклад в нее будут вносить энергосырьевые отрасли, обладающие реальным экспортным потенциалом, в то время как значительная часть обрабатывающей промышленности утратит всякие перспективы развития.

Изложенному сценарию *пока еще сохраняется* реальная альтернатива – активизация имеющегося научно-производственного потенциала для достижения и поддержания приемлемого уровня конкурентоспособности отдельных отраслей и секторов российской экономики. Но такая альтернатива никак не сможет быть реализована спонтанно, без рационального участия государства. А такое участие предполагает разработку и проведение соответствующей государственной структурной и инновационной политики. Для этого необходимо выделить три категории хозяйствующих субъектов, требующих государственной опеки.

Во-первых – небезнадежные производства (те, где у нас еще есть шанс вырваться на конкурентоспособный уровень, систематически поддерживать их и координировать соответствующие мероприятия в рамках финансовой, денежно-кредитной и внешнеэкономической политик). В сущности, здесь речь идет о производствах, которые близки к мировым стандартам. На их основе пока еще есть возможность создать массовое производство и реализацию продукции. Кроме ВПК, такими отраслями могут стать, например, самолетостроение и судостроение, атомное машиностроение, ракетно-космическая отрасль, отчасти – химическая промышленность и проч.

Во-вторых, предстоит выявить отрасли, которые надо спасти по социальным соображениям, например, автомобильная промышленность, где мы сильно отстали, но в которой занято огромное число людей. Здесь можно было бы пожертвовать собственным производством, полностью раствориться в западных технологиях. Но как в таком случае быть с людьми? Что получится, если закрыть «АвтоВАЗ»? Скорее всего, будет социальный взрыв. Я согласен с правительством, что завод необходимо поддерживать. К тому же на фоне планов по сотрудничеству с «Renault–Nissan» здесь можно даже ожидать прорыва в первую категорию.

В-третьих, следует обозначить производственные сферы, необходимые для обеспечения национальной безопасности. Такие предприятия следует поддерживать – независимо от того, отстали они или нет от мирового уровня. Здесь возникает множество проблем – коммерциализация научных разработок, нехватка хороших проектных бюро, квалифицированных рабочих, техников и т.д. Здесь – комплекс проблем, так как разрушалось все в комплексе.

России предстоит использовать все возможности для восстановления своего научно-технического потенциала и развития новых высокотехнологичных отраслей промышленности, диверсификации всего хозяйства. Следует иметь в виду, что времени для выстраивания приоритетов остается все меньше, поскольку при сохранении нынешней неопределенности уже через пять–шесть лет страна окончательно потеряет научно-технический потенциал. Тогда придется начинать с чистого листа. В конечном счете, путь восстановления и развития – единственно верный и надежный способ занять место одной из ведущих держав и прочно утвердиться в этом качестве на мировой арене.

Пора нам, наконец, осознать, что сегодняшняя модернизационная риторика, включая страстное воспевание «Сколково», – отнюдь не полноценный аналог усилий, реально направленных на модернизацию. При трехлетних планах, и тем более при «ручном» управлении, мы не добьемся реального экономического эффекта. Повторим: нужна срочная инвентаризация идей и ресурсов страны и вынесение ее итогов на широкое обсуждение. Необходимо разработать долгосрочную социально-экономическую стратегию государства, в которой будут четко указаны субъекты, механизмы и сроки ее реализации. Кстати, только тогда появляется шанс для сознательного структурирования постсоветского пространства или, по крайней мере, его большей части. И только тогда начнут фор-

мироваться и функционировать собственные конкурентоспособные ТНК, способные участвовать в глобализации мировой экономики в качестве субъектов, а не объектов процесса.

В свете сказанного некоторый оптимизм внушает пока еще не полностью завершившийся мировой финансово-экономический кризис, который дает нам очередной шанс провести коренные перемены в экономике, избавиться от ее монокультурной зависимости. Сейчас это можно сделать, так как хозяйственные трудности испытывают все страны, в том числе и развитые. Похоже, что восстановление мировой и европейской экономик быстрым не будет. Сегодня мощности предприятий стран Евросоюза, производящие современные машины и оборудование, в целом заполнены в беспрецедентно низких объемах. Речь идет, главным образом, о так называемых инвестиционных товарах, на которые внутри ЕС нет спроса, но которые нужны нам. Необходимо использовать эту ситуацию с помощью big deal («большой сделки»), создав своеобразный Совет экономической взаимопомощи ЕС – Россия. Европейский союз – наш естественный союзник. Он заинтересован в нас, поскольку нуждается в существенном росте вялого спроса. Нам же необходимо диверсификация производства, которую предстоит провести с помощью европейского технического потенциала. Не исключено, что России потребуются привлекать в качестве инструкторов европейских рабочих на наши обновляемые предприятия.

Но сначала мы должны представить план, из которого станет ясно, какая европейская продукция нам нужна. Тогда и странам

ЕС будет проще приспособиться к нашим потребностям. Как известно, в позднесоветское время была принята Комплексная программа научно-технического прогресса (КП НТП). Что-то подобное можно было бы создать и сейчас, но уже в рыночном режиме и на истинно равноправной и взаимовыгодной основе.

Пока же отечественный потребитель (если, конечно, ему посчастливилось войти в «подавляющее меньшинство населения страны») ввиду почти полного отсутствия внутреннего производства уже привык ориентироваться на потребление импортных товаров. В общем, на повестке дня стоит трудная задача – выработать перспективную политику стимулирования отечественного производства, не загоняя себя в ловушку изоляционизма, который, в конечном счете, заблокировал бы не то что модернизацию, но и просто сколько-нибудь цивилизованное развитие экономики.

Существует еще одна, не менее сложная, задача – найти рынки для потенциально высокотехнологичных товаров, которые нам предстоит научиться производить. При условии синтеза российских научных достижений и коммерческого потенциала Евросоюза страна *еще пока может* получить конкурентные продукты хорошего международного уровня. Словом, шансы на успех модернизационного проекта есть, но и риски – огромны! Опасения по поводу начинаний обоснованы. Но уклониться от модернизации – значит гарантировано сползти и обосноваться в мировом технологическом захолустье. Как говорится в пословице, «если вы боретесь, вы можете проиграть, а если вы не боретесь, вы уже проиграли».

Поступила в редакцию 08.07.2010 г.

В.Л. Иноземцев

Центр исследований
постиндустриального общества, Москва

Модернизация в России: каковы шансы на успех

Вот уже два с половиной года Россией управляет президент, который не побоялся объявить главным приоритетом своей политики модернизацию, предпочтя ее пресловутой «стабильности». Отдавая должное смелости Д.А. Медведева, тем не менее следует трезво оценить происходящие в стране перемены и, исходя из этого, попытаться определить, насколько велики шансы на успех заявленного модернизационного прорыва.

Был бы рад ошибиться, но, на мой взгляд, оглядываясь на прошедший период, можно констатировать следующее.

Во-первых, модернизация не осмыслена российским политическим классом как комплексный процесс. «Пять направлений модернизации», которые советники вложили в уста Президента, представляют собой программы, совершенно не связанные между собой и качественно различающиеся по схеме реализации.